

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a man with dark hair and a serious expression, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He has a small, ornate brooch on his lapel. A woman with long, wavy blonde hair is leaning into him, her face partially visible in profile. She is wearing a dark, high-collared garment. The lighting is dramatic, with warm, reddish-orange highlights on the couple and a cooler, blueish-purple glow in the background. There are small, sparkling particles floating around them. The top corners of the cover are decorated with intricate, dark, swirling patterns.

ХОЛЛИ БЛЭК

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ
ЧАСТЬ ТРИЛОГИИ

ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Холли Блэк

Черное сердце

Серия «Проклятые», книга 3

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69184042
Черное сердце: Издательство АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-138954-3*

Аннотация

Кассель Шарп знает, что из него сделали наемного убийцу, но пытается оставить это в прошлом. Он изо всех сил старается быть хорошим, несмотря на то что вырос в семье мошенников и виртуозно умеет лгать. Кассель хочет поступать правильно и убеждает себя, что работа на правительство – верный выбор, хотя его воспитали с убеждением, что государство – враг.

Но теперь, когда мать в бегах, любимая девушка вот-вот займет свое место подле отца, главы преступного клана, а вокруг вскрываются все новые секреты, Касселю очень трудно разобраться, что правильно, а что нет...

Когда федералы просят его совершить то, что он клялся никогда больше не делать, он начинает задаваться вопросом, действительно ли они «хорошие ребята» или все это большая афера. Возможно, теперь Касселю придется решиться на самую крупную ставку – на любовь.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	26
Глава третья	43
Глава четвертая	54
Глава пятая	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Холли Блэк

Черное сердце

Holly Black

BLACK HEART

(The Curse Workers, Book 3)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки Яны Половцовой Иллюстрация на обложке Елены Рудман https://t.me/rudman_elena

Copyright © 2012 by Holly Black В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Кальницкая Дарья, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

*Посвящается Физзигу, моему серому
мохнатому коту, который, несмотря на вечно
разъяренный вид, всегда ласков и терпелив*

Глава первая

Откинувшись на пассажирском сидении моего «бенца», Баррон всасывает через желтую трубочку остатки чая с молоком из бумажного стаканчика. Ноги в остроносых черных ботинках закинул на приборную панель. Волосы прилизаны, на носу черные очки с зеркальными стеклами – настоящий злодей.

На самом-то деле Баррон – младший федеральный агент. Он, конечно, еще только учится, но у него уже есть пропуск, удостоверение и все прочее.

Честно говоря, злодеем он от этого быть не переставал.

Нетерпеливо барабанив затянутыми в перчатку пальцами по рулю, я в сотый, наверное, раз подношу к глазам бинокль и оглядываю заколоченное здание в неблагополучном квартале Квинса.

– Да что она там делает? Минут сорок уже прошло.

– А сам как думаешь? Проворачивает темные делишки, чтобы Захарову не пришлось перчатки мариновать. У нее теперь подработка такая после школы.

– Он не стал бы подвергать ее опасности, – я стараюсь убедить скорее себя самого, чем Баррона.

Брат презрительно фыркает.

– Она теперь новобранец. И ей нужно всем доказать, что она справится. Захаров не смог бы оградить ее от опасности,

даже если б сильно постарался... но он стараться не будет. За ней наблюдают остальные мастера, ждут, когда она проявит слабость, облажается. Захаров это знает. И ты не забывай.

Вспоминаю двенадцатилетнюю Лилу с глазами в поллица и копной растрепанных золотистых волос. Вот она сидит высоко на ветке дерева и ест длинную лакричную конфету. Губы перемазаны красным. На ногах болтаются шлепанцы. Лила вырезает на коре свои инициалы, чтобы доказать двоюродному брату: она не врет, она действительно забралась так высоко, как ему в жизни не забраться.

– Вечно мальчишки не верят, что я их уделаю, – сказала она мне тогда. – Но в конце концов так и получается.

– Может, заметила нас и вышла через черный ход.

– Как же, заметила, – Баррон втягивает через соломинку воздух, и по салону громко разносится хлюпающий звук. – Мы же с тобой натуральные ниндзя.

– Кто-то зазнался.

Следить за человеком – занятие непростое, и, что бы там ни болтал брат, мы с ним еще не слишком-то хорошо это умеем. Мой куратор в ФБР, агент Юликова, настаивает, чтобы я тренировался вместе с Барроном – так я хоть чему-нибудь научусь и буду под присмотром, пока она не решит, как лучше преподнести начальству занимательную новость: у нее в распоряжении оказался мастер трансформации с дурным характером и криминальным прошлым. И Баррону де-

ваться некуда – приходится со мной возиться. Вроде как это ненадолго – пока не закончу Веллингфорд. Интересно, сможем ли мы столько друг друга вытерпеть.

То, чем мы заняты сейчас, Юликова вряд ли бы одобрила. Баррон ухмыляется, сверкнув белоснежными, как игральные кости, зубами.

– Как думаешь, что сделала бы Лиля Захарова, узнай она, что ты за ней шпионишь?

– Наверняка прибила бы, – ухмыляюсь я в ответ.

– Наверняка. И меня наверняка пристукнула бы с удовольствием, за то, что тебе помогаю.

– Наверняка ты это заслужил.

Баррон снова фыркает.

В последние несколько месяцев мне на блюдечке с голубой каемочкой преподнесли все, чего я желал, все, чего и не мечтал добиться: любимую девушку, власть, возможность работать непосредственно на Захарова – самого грозного человека из всех мне известных. И все это я послал к чертям. Наверное, работать на него было бы не так уж и сложно. Даже забавно. Если бы мне не было плевать на тех, кто страдает от моей руки, я мог бы получить все.

Снова подношу к глазам бинокль и рассматриваю деревянную дверь с облупившейся краской, снизу будто погрызенную крысами.

И Лиля была бы моей.

Моей. Когда рассуждаешь о любви, вечно выскакивают та-

кие вот словечки – собственнические. Это само по себе предупреждение: вряд ли любовь способна кого-нибудь сделать лучше.

– Поверить не могу, что ты шантажом вынудил меня стать федералом, – Баррон со вздохом закидывает пустой стаканчик на заднее сидение. – И вот теперь я из сил выбиваюсь по пять дней в неделю вместе с остальными курсантами, а ты, пользуясь моими навыками, таскаешься тайком за своей девчонкой. Разве это честно?

– Во-первых, навыки твои весьма сомнительны. Во-вторых, Лила – не моя девчонка. В-третьих, я просто хотел убедиться, что с ней все в порядке, – объясняю я, по очереди загибая пальцы. – В-четвертых, уж кому о честности разглагольствовать – так это не тебе.

– Таскался бы в школе за ней, – Баррон будто и не слышит, что я ему говорю. – Давай-ка сворачиваться. Мне надо кое-кому позвонить. Потом перекусим. Я даже готов заплатить.

Я вздыхаю. В машине душно и пахнет несвежим кофе. Страшно хочется потянуться. Наверное, Баррон прав: пора сворачиваться. Не из-за какого-то там звонка, а из-за того, о чем он вслух не сказал. Не очень-то хорошо шпионить за девчонкой, которая тебе нравится.

Но только я неохотно тянусь повернуть ключ зажигания, как Лила, будто по команде, выходит на улицу. На ней черные сапоги до колена и серебристо-серый плащ. Она спускается по ступеням, быстрым жестом откидывает с глаз во-

лосы, в ушах у нее покачиваются серьги. От такой красоты у меня дух захватывает. Следом выходит парень в худе и мешковатых джинсах. Туго заплетенные косички напоминают рога антилопы. Кожа у него темнее, чем у меня. В карман он сует сложенную пополам пачку – видимо, деньги.

Лиля носит шарф только в школе. И сейчас у нее на шее отчетливо видны темные шрамы, в которые втирали золу. Это такой обряд: вновь вступившему в клан Захаровых вырезают шрамы, он отрекается от старой жизни и начинает новую, порочную. Даже дочери Захарова нужно через это пройти.

Теперь она одна из них. Обратного пути нет.

– Ну что ж, готов поспорить, мы только что видели заключительную часть некоей весьма сомнительной сделки, – довольно сообщает Баррон. – Но давай представим, что все не то, чем кажется, и мы просто застукали Лилу за чем-то совершенно безобидным и в то же время постыдным.

– Постыдным? – я рассеянно оглядываюсь на него.

– Ну, например, они играли в игру – такую, где надо собирать разные карты. «Покемоны» там или «Мэджик газеринг». Допустим, к соревнованиям готовятся. И он, конечно, выиграл, раз она отстегнула ему столько денег.

– Да уж, смешно.

– А может, он ее подтягивает по латыни. Или они вместе раскрашивают фигурки. Или устраивают театр теней, – Баррон изгибает пальцы в перчатке, изображая утку.

Я стучаю его в плечо – легонько, просто чтобы заткнулся. Брат со смехом поправляет солнечные очки.

Парень с косичками, надвинув на глаза капюшон, переходит на другую сторону улицы, а Лила останавливается на углу и поднимает руку, чтобы поймать такси. Взметнувшиеся от порыва ветра золотистые волосы напоминают нимб.

Интересно, она сделала домашку на понедельник?

Интересно, сможет ли она когда-нибудь снова меня полюбить?

Интересно, сильно бы она разозлилась, если б узнала, что я за ней следил? Наверняка взбесилась бы.

В машину неожиданно врывается холодный октябрьский ветер и подбрасывает пустой стаканчик на заднем сидении.

– Вылезай, – Баррон с ухмылкой смотрит на меня, опираясь на дверцу машины. Я даже не заметил, как он выскочил. – Хватай свои пожитки и деньги для паркомата. Пойдем за ним, – он кивает в сторону удаляющегося парня с косичками.

– Ты же собирался кому-то там звонить? – содрогаясь от холода в своей зеленой футболке, подхватываю с заднего сидения кожаную куртку.

– Мне было скучно, а теперь интересно.

Когда утром я сказал, что хочу потренироваться за кем-нибудь следить, я назвал Лилу отчасти шутки ради, отчасти повинаясь нездоровому желанию. Не думал, что Баррон согласится. Не думал, что нам удастся поймать тот момент, ко-

гда она выходит из квартиры и садится в таун-кар. И уж точно не думал оказаться здесь и выяснить, чем именно она занимается после уроков.

Выбравшись из «бенца», захлопываю дверцу.

В этом-то и проблема с искушением – чертовски трудно не поддаться.

– Мы с тобой почти как настоящие агенты, – говорит Баррон, пока мы, пригнув головы, бредем против ветра. – Знаешь, если мы застукаем твою девчонку на месте преступления, Юликова наверняка благодарность нам объявит или еще как-нибудь поощрит за успехи в учебе.

– Только вот мы этого делать не будем.

– Ты же вроде хотел, чтобы мы с тобой стали правильными и хорошими, – брат улыбается еще шире.

Ему нравится меня подкалывать, а я реагирую и тем самым еще больше его раззадориваю, но ничего поделать с собой не могу.

– Только не в том случае, если она пострадает, – я стараюсь придать голосу как можно более суровое выражение. – Она ни в коем случае не должна пострадать.

– Да понял я. Фу-фу, нельзя ее обижать. Но вот ты, братишка, сейчас шпионишь за ней и ее приятелем, какие у тебя оправдания?

– А мне никаких оправданий и не надо – шпионю и все тут.

Шпионить за кем-то – дело не из легких. Нельзя паяться

в затылок, нельзя подходить слишком близко, нужно изображать из себя обычного прохожего, мерзнущего на холодном октябрьском ветру в Куинсе. И уж точно нельзя походить на агента-недоучку.

– Да брось ты волноваться, – утешает Баррон. – Если он нас и заметит, ему это даже польстит, пожалуй. Решит, что продвинулся по карьерной лестнице, раз за ним хвостом правительственные агенты таскаются.

У Баррона гораздо лучше получается изображать незаинтересованного прохожего. Ну да, терять-то ему нечего. Лила уже и так его ненавидит дальше некуда. К тому же, его этим делам обучают с утра до ночи, пока я зубрю уроки в Веллингфорде и готовлюсь поступать в мифический колледж.

И все равно обидно. С самого детства мы с ним постоянно соревновались. И я чаще всего проигрывал.

Мы младшие, поэтому Филип в выходные зависал с друзьями, а нам отец давал разные поручения или чему-нибудь нас обучал.

Например, совершенствовал наши умения лазать по карманам и вскрывать замки.

«Двое мальчишек – отличная команда, – говорил он. – Один тащит, а второй отвлекает внимание».

Мы с Барроном тренировались: сначала нужно было определить, где у папы бумажник (где оттопыривается задний карман или оттянут край пальто), потом вытащить. У меня получалось здорово, но у Баррона лучше.

Еще отработывали отвлекающие маневры: надо заплакать, спросить дорогу, отдать простачку четвертак, который он якобы потерял.

«Это как у фокусников, – говорил папа. – Нужно, чтобы я смотрел в сторону и не замечал того, что творится у меня под носом».

Когда отцу надоедало разоблачать наши жалкие попытки его ограбить, он приводил нас в сарай и демонстрировал свою коллекцию. Имелся у него такой старый металлический ящик для инструментов, на котором со всех сторон были врезаны замки. Всего семь замков. Ни Баррон, ни я так и не сумели его открыть.

Когда мы выучились вскрывать замки с помощью инструментов, папа стал учить нас открывать их заколкой-невидимкой, крючком от вешалки, а потом и палкой – любой подвернувшейся под руку штуковиной. Я надеялся, что у меня обнаружится талант в этой области, поскольку тогда думал, что не мастер, и считался в семье белой вороной. Верил, если выучусь вскрывать замки лучше всех, то смогу себя реабилитировать в их глазах.

Как же мерзко быть самым младшим.

«Вот откроешь мой супернадежный ящик, и мы с тобой тайком проберемся в кино на любой фильм», – говорил папа. Или: «Я там конфету спрятал». Или: «Если тебе так хочется эту видеоигру, просто открой ящик, и я тебе ее раздобуду». Не важно, что он там сулил. Важно лишь то, что мне удалось

открыть только три замка, а Баррону – пять.

И вот мы с братом снова чему-то учимся. И снова я поневоле соревнуюсь с ним и поневоле расстраиваюсь, что отстаю. Юликова думает, что Баррон сможет сделать хорошую карьеру в ФБР. Сама мне так сказала. А я ей сказал, что социопаты всегда очаровательны.

По-моему, она решила, что я шучу.

– Чему вас там еще учат в этой школе для агентов? – спрашиваю я.

Почему-то меня задевает, что Баррон так хорошо туда вписался. Ну и что, что брат притворяется? Тем лучше для него.

Наверное, задевает меня то, что притворяется он искуснее меня.

– Да ничем особенным, – со смехом отвечает Баррон, закатывая глаза. – Всякие простые штуки: как зеркалить человека, чтобы он начал тебе доверять. Ну, знаешь, надо делать то же, что и он. Честно говоря, работа под прикрытием очень напоминает работу мошенника. Есть свои приемы. Находишь жертву. Втираешься в доверие. Сдаешь ее.

Зеркалить. Простачок делает глоток, и ты тоже. Он улыбается, и ты тоже. Только надо действовать тонко, чтобы выглядело естественно. Хороший прием.

Мама меня ему обучила, когда мне было десять. «Знаешь, Кассель, как стать самым приятным собеседником? Нужно, чтоб ты напоминал простачку самого дорогого человека.

А самый дорогой человек – это всегда ты сам, любимый».

– Только ты у нас теперь правильный и хороший, – смеюсь я.

Баррон мне вторит, словно я выдал самую смешную на свете шутку.

В голову снова лезут мысли о маме – не могу за нее не волноваться. С тех пор как ее поймали с поличным (она использовала свой дар мастера эмоций и работала над губернатором Пэттоном), мама скрывается. Пэттон в принципе мастеров ненавидел, а теперь он каждый вечер в новостях требует ее крови с такой яростью, что аж жилка пульсирует на лбу. Пусть мама прячется и дальше. Мне только очень хочется знать, где она.

– Баррон, как думаешь... – в сотый раз начинаю я разговор о ней – сейчас мы станем друг друга успокаивать, мол, у нее все в порядке, скоро она с нами свяжется.

Но тут парнишка с косичками заворачивает в бильярдную.

– Давай, – брат дергает головой, и мы ныряем в пекарню напротив.

Там очень здорово, потому что тепло. Баррон заказывает два кофе, и мы пьем его, глядя в окно на бильярдную.

– Ты когда-нибудь уже эту свою заикленность на Лиле переживешь? – спрашивает брат. Нужно было самому начать разговор и выбрать тему. Любую другую тему. – Это у тебя как болезнь, честное слово. Когда ты на ней помешался? Лет

в одиннадцать?

Я молчу.

– Ты потому за ней и потащился, а потом и за этим типом? Думаешь, недостойн ее, но надеешься застукать на чем-нибудь мерзком, ведь тогда получится, что вы все-таки друг друга стоите.

– Все совсем не так, – шепчу я. – Когда любишь, все совсем не так.

– Да неужели? – фыркает Баррон.

Страшно хочется сказать ему какую-нибудь гадость или колкость, но я сдерживаюсь. Если не буду реагировать, может, он отстанет, а там я его отвлеку. Мы молча стоим у окна. Через несколько минут Баррон вздыхает.

– Мне снова скучно. Пойду все-таки позвоню.

– А если он выйдет? Как мне его...

– Симпровизируй, – советует Баррон, изображая испуг.

Он выходит, звякнув колокольчиком на двери, и парень за стойкой кричит вслед свое обычное «спасибо-что-заглянули-приходите-еще».

Баррон принимается расхаживать по мостовой около пекарни, вовсю флиртуя с невидимой собеседницей по телефону. Он так и сыплет названиями французских ресторанов, будто каждый вечер в таких ужинает. Прижал трубку к щеке и улыбается, словно искренне верит в тот романтический бред, который несет. Жалко, конечно, эту девчонку, но мне становится весело.

Я ему потом спуска не дам. Вряд ли получится держать язык за зубами – разве что проглотить этот самый язык целиком.

Заметив, как я с улыбкой пялюсь на него в окно, Баррон поворачивается ко мне спиной и отходит к ломбарду неподалеку. Когда он оглядывается через плечо, я комично поигрываю бровями.

Делать особо нечего, так что продолжаю караулить. Покупаю еще кофе, расстреливаю парочку зомби в телефоне.

И все равно вздрагиваю от неожиданности, когда парень с косичками выходит из бильярдной. Рядом с ним какой-то мужчина: волосы жирные, щеки впалые. Парнишка, прислонившись к стене, прикуривает сигарету, прикрывая огонек зажигалки ладонью. Вот когда не помешала бы фэбээровская подготовка. Пожалуй, не стоит выбегать из пекарни и махать рукой Баррону, привлекая внимание. Но что делать-то? А если парнишка сейчас двинется дальше?

«Сымпровизируй», – так Баррон сказал.

Приняв как можно более непринужденный вид, выхожу на улицу. Может, он просто покурить вышел. Может, Баррон меня заметит и сам подойдет.

Облокачиваюсь на скамейку автобусной остановки и внимательнее приглядываюсь к парню.

Напоминаю себе, что это не взаправдашнее задание. Если я его упущу, ничего страшного. Тут, наверное, и вынюхивать-то нечего. Вряд ли он прямо сейчас бросится выпол-

нять поручение Лилы.

И тут парень широко взмахивает рукой с дымящейся сигаретой. Классический отвлекающий маневр у фокусников и мошенников. «Следи за моей рукой». Он, наверное, еще и шутит при этом, потому что мужчина со впалыми щеками смеется. Но я-то вижу, как парень потихоньку вытаскивает из перчатки вторую руку.

Подскакиваю, но все происходит слишком быстро. Мелькает голая ладонь.

На автомате бросаюсь вперед, прямо через улицу, не обращая внимания на взвизгнувшую тормозами машину. Прохожие поворачиваются ко мне, никто не смотрит на парнишку. Даже мужчина из бильярдной смотрит на меня, а не на него.

– Беги, – кричу я.

Он все еще непонимающее пялится, а мальчишка уже хватается за горло голой рукой.

Тянусь, чтобы схватить его за плечо, но поздно: мужчина тюком падает на мостовую. Парень разворачивается ко мне и взмахивает голыми пальцами. Хватаю его за запястье и со всей силы выворачиваю руку за спину.

Он со стоном ударяет мне в лицо свободной рукой в перчатке.

Отшатываюсь. С мгновение мы стоим друг напротив друга. Наконец-то я могу хорошенько рассмотреть его лицо. С удивлением подмечаю аккуратно выщипанные брови. Под ними большие карие глаза. Парень прищуривается.

А потом разворачивается и пускается наутек.

Бегу за ним. Не думая, на автомате. «Кассель, что же ты делаешь?» Оборачиваюсь в сторону Баррона, но тот стоит ко мне спиной, весь в телефоне.

Чудненько.

Парнишка быстрый, но я-то уже три года тренируюсь. Знаю, как правильно бежать: надо пропустить его вперед, пока он делает рывок, потом противник сдуется, и я его нагоню. Мимо проносятся квартал за кварталом. Я все ближе.

Этим же и занимаются федеральные агенты, так? Гоняются за плохими парнями.

Но я не поэтому за ним бегу. Я словно преследую собственную тень. И не могу остановиться.

Парнишка оглядывается через плечо и, видимо, поняв, что я нагоняю, меняет тактику – резко сворачивает в переулок.

Когда я забегаю за угол вслед за ним, он вытаскивает что-то из-под худы. Хватаюсь за первое, что попадаетея под руку, – это деревянная доска рядом с кучей мусора.

Взмахиваю ей. Вовремя – парень выхватил пистолет. Дерево ударяет по металлу, и удар отдается у меня в руке. Пистолет отлетает к кирпичной стенке, будто я отбил подачу на ежегодном чемпионате по бейсболу.

По-моему, парнишка удивился не меньше моего.

Медленно подхожу, сжимая в руке доску. От удара она раскололась, и верхняя часть болтается на тоненькой щепоч-

ке. А конец нижней напоминает острие копья. Парнишка наблюдает, весь подобрался. На вид не старше меня, а может, даже и младше.

– Охренеть. Ты кто такой?

Когда он открывает рот, я замечаю у него несколько золотых зубов. Они блестят в вечернем свете. Три снизу, один сверху. Парнишка запыхался. Я тоже.

Наклонившись, поднимаю трясущейся рукой пистолет и отщелкиваю предохранитель. Бросаю свою деревяшку. Кто я в данную секунду? Понятия не имею.

– Почему? – спрашиваю я, тяжело дыша. – Почему она заплатила тебе за его убийство?

– Слушай, – он поднимает руки – одна в перчатке, одна голая – будто признавая свое поражение, но выглядит при этом скорее удивленным, чем испуганным. – Если это был твой друг...

– Он мне не друг.

Парнишка медленно опускает руки – будто бы расслабился, что-то такое понял насчет меня. Может, увидел, что я не коп.

– Я никого ни о чем таком не спрашиваю. Не знаю, ясно тебе? Работа есть работа.

Киваю.

– Шею покажи.

– Шрамов у меня нет, – он оттягивает ворот худи, шрамов действительно нет. – Сам на себя работаю. Не дело такому

красавчику, как я, лезть во все это дерьмо. Никому на Гейджа воротник не надеть.

– Ясно.

– Если ты эту девчонку знаешь, то знаешь, и чем она занимается.

Он вынимает изо рта зуб – настоящий, не золотой. Почерневший зуб на затянутой в перчатку ладони напоминает жемчужину с изъяном.

– Хорошо хоть, что за убийство отстегивают неплохо, – ухмыляется парнишка. – Золотишко-то дорогое.

Я стараюсь не показать удивления: мастер смерти, который теряет после убийства всего лишь зуб, – весьма опасный противник. Любое проклятие, будь то магия силы, удачи, памяти, эмоций, снов, смерти или даже трансформации, вызывает отдачу. Как говорит дедушка, проклятие работает над мастером. Отдача может покалечить и даже убить. У мастеров смерти отмирает какая-нибудь часть тела – у кого-то легкое, у кого-то палец. А у кого-то всего-навсего зуб.

– И зачем же мастеру смерти пистолет?

– Он мне дорог как память. Бабуле моей принадлежал, – отвечает Гейдж, а потом чуть нерешительно продолжает: – Слушай, ты же стрелять не будешь. Если б хотел, уже бы выстрелил, так, может, мы просто...

– Уверен, что хочешь со мной в слабо сыграть? Точно уверен?

Гейдж подбирается.

— Ладно, — он с шумом втягивает воздух в дырку от зуба. — Кое-что знаю, но... Не от нее. Она мне ничего не сказала, только где его найти. Слухи разные ходили про этого типа, его вроде как звать Чарли Уэст, он будто бы заporол одну работенку. Должен был ограбить, а сам всю семью порешил. Трус и пьяница...

У меня в кармане звонит телефон. Вытаскиваю его и быстро смотрю на экран. Баррон, видимо, только что понял, что я от него смылся. Воспользовавшись тем, что я на мгновение отвлекся, Гейдж взлетает на сетчатый забор.

Смотрю ему вслед, и в глазах чуть мутится. Кто сейчас передо мной? Мой дедушка, мой брат, я сам. Любой из нас мог бы оказаться на его месте, возможно, уже побывал на его месте — сбегал после убийства, карабкался через забор, ожидая выстрела в спину.

Я не приказываю ему остановиться. Не делаю предупредительный выстрел в воздух. Ничего такого, что следовало бы сделать федеральному агенту, преследующему убийцу. Просто даю ему уйти. Если Гейджу досталась та роль, которая была уготована мне, сам я понятия не имею, как быть тем, кто остался стоять в переулке. Правильным и хорошим парнем.

Вытерев пистолет о свою зеленую футболку, сую его за пояс джинсов, сзади, где не видно под курткой. Потом возвращаюсь на улицу и звоню Баррону.

Является он не один, а в сопровождении целой толпы

незнакомых людей в костюмах.

– Ты что такое творишь? – спрашивает Баррон тихо, хватая меня за плечи, голос у него взволнованный. – Я понятия не имел, куда ты делся! Звонил, но ты не отвечал.

А я и звонков не слышал – только последний.

– Импровизировал, – напустив на себя самоуверенный вид, говорю я. – Ты бы меня не упустил, если б не трепался с девчонкой.

Баррон явно готов меня придушить.

– Они приехали на место убийства сразу после копов, – говорит он, со значением посмотрев на меня.

Конечно, Баррон злится, но я понимаю, что он хочет сказать: «Это не я их вызвал. Я ничего не сказал про Лилу. Не сдал тебя. Пока не сдал».

Агенты меня опрашивают. Рассказываю, как гнался за убийцей, но тот меня обогнал и перелез через забор. Куда потом побежал – не знаю. Рассмотреть его не успел. Он был в капюшоне. Нет, ничего не сказал. Нет, оружия у него не было – я видел только голую руку. Да, не надо было за ним гнаться. Да, я знаю агента Юликову. Да, она сможет за меня поручиться.

Юликова подтверждает мои слова. Меня отпускают, не обыскав. Мы с Барроном идем обратно к машине, за поясом холодит спину чужой пистолет.

– И что там на самом деле случилось? – спрашивает брат. Я качаю головой.

– И что же ты теперь будешь делать? – он будто подначивает, будто действительно хочет знать. – Это убийство заказала Лила.

– Ничего не буду делать. А ты как думал? И ты ничего делать не будешь.

Дедушка как-то предупреждал меня, что из таких девчонок, как Лила, вырастают женщины, у которых глаза – будто дырочки от пуль, поцелуи – словно удары ножа. И нет им покоя. И ничего хорошего от них не жди. Выпьют тебя до дна, как стакан виски. Влюбиться в такую – все равно, что загреметь с лестницы. Эти предупреждения я слышал много раз, вот только никто не говорил мне, что, даже когда загремишь с этой самой лестницы, когда поймешь, как это больно, все равно в очереди будешь стоять за добавкой.

Глава вторая

В воскресенье вечером в Веллингфорде все в поте лица корпят над домашкой. В пятницу она казалась такой легкой, а впереди были целые выходные. Захожу в общежитие, зевая во весь рот. Я ничем не лучше других. Еще нужно написать сочинение и перевести большой кусок из «Отверженных».

Сэм Ю, мой сосед, валяется на животе на своей кровати и кивает в такт музыке в наушниках. Когда немаленький Сэм поворачивается ко мне, пружины на его койке жалобно взвизгивают. В наших общежитиях дешевые кровати (каждый раз, как на такую садишься, страшно, что сломается), потрескавшаяся краска на стенах и шкафы из ДСП. В Веллингфорде, уж конечно, имеются и роскошные холлы, с деревянными панелями, высоченными потолками и витражными окнами. Вот только они предназначены для преподавателей и спонсоров. Нас туда иногда пускают, но не более того.

Открываю шкаф и, протиснувшись внутрь, взбираюсь на мятую картонную коробку. Вытаскиваю из-под куртки пистолет и приклеиваю его скотчем сверху к задней стенке, над одежками. Потом раскладываю старые книжки, чтобы его прикрыть.

– Да ты издеваешься, – хмурится Сэм.

Он все видел. А я даже не слышал, как он встал. Видимо, теряю хватку.

– Он не мой. Не знаю, что с ним делать.

– Выкинуть? – Сэм переходит на хриплый шепот. – Это же пистолет. Пистолет, Кассель. Пистоле-е-ет.

– Ага, – я со стуком спрыгиваю на пол. – Знаю. Избавлюсь от него как-нибудь. Просто времени не было. Завтра же, обещаю.

– Времени не было? Выбросить пистолет в мусорный контейнер?

– Кончай без конца твердить «пистолет-пистолет», – плюхнувшись на собственную кровать, я хватаю ноутбук. – Прямо сейчас ничего не могу с ним поделать – не в окно же выкидывать. Завтра разберусь.

Сэм со стоном возвращается к себе на кровать и подбирает наушники. Вид у него недовольный, ну и ладно. Видимо, он уже привык к моим преступным выходкам.

– Чей он? – спрашивает сосед, кивая на шкаф.

– Да парня одного. Он обронил.

– Так я и поверил, – хмурится Сэм. – Ты себе отдаешь отчет в том, что, если его здесь найдут, тебя не просто из школы выпрут, а в самом прямом смысле вымарают из памяти? Выжгут твоё лицо из всех школьных фотоальбомов. Наймут команду мастеров памяти, чтобы все навсегда забыли о твоём существовании. Ведь родителям клянутся, что именно этого в Веллингфорде никогда и не случается.

От упоминания мастеров памяти у меня по спине пробегают мурашки. Баррон – мастер памяти. С помощью колдов-

ства он заставил меня о многом забыть: о том, что я мастер трансформации, о том, что он вынудил меня стать безжалостным наемным убийцей, и даже о том, что я превратил Лилу в животное, а он потом держал ее несколько лет в клетке. Мой старший братишка, социопат, воровал мою жизнь, кусок за куском. Но именно он сейчас меня обучает. Ведь больше братьев у меня не осталось.

Так вот и бывает с родней: и жить с ними невозможно, и убить нельзя. Хотя, если Баррон заложит меня Юликовой, может, и убьют.

– Да уж, – я пытаюсь вновь сосредоточиться на разговоре. – Избавлюсь. Обещаю. Погоди, я ж уже обещал. Побожиться?

– Невероятно, – возмущается Сэм, но я вижу, что он не особенно-то и злится.

Внимательно вглядываюсь в лицо соседа, пытаюсь уловить сменяющиеся на нем эмоции, и неожиданно замечаю на его темно-синем покрывале с десятков ручек и исчерканный блокнот.

– Чем это ты тут занимался?

– Да вот купил на eBay, – ухмыляется сосед. – Целый набор ручек с исчезающими чернилами. Круто? Такие в КГБ использовали. Серьезные шпионские штучки.

– И что же ты будешь с ними делать?

– Варианта два. Во-первых, можно замутить крутой розыгрыш, а во-вторых, они пригодятся в наших букмекер-

ских делах.

– Сэм, мы уже это обсуждали. Если хочешь, будь букмекером, а я пас.

Сразу после поступления в Веллингфорд я открыл здесь подпольную букмекерскую контору и принимал разные идиотские ставки. Хотите поставить на результат матча по американскому футболу – вам ко мне. Хотите поставить на то, что нас три раза в неделю будут пичкать котлетами, – вам ко мне. На то, что у директрисы Норткэтт и завуча Уортона роман или что Харви Сильверман откинет копыта, отравившись спиртным, еще до выпускного, – вам опять ко мне. Я высчитывал процент, собирал наличку и брал комиссию. В нашей школе учатся, в основном, скучающие дети богатеньких родителей, так что это был хороший способ набивать карманы. И довольно безобидный. Вплоть до недавнего времени. С недавнего времени ставить стали на то, кто мастер, а кто нет. А предполагаемых мастеров преследовали.

И я начал чувствовать себя не букмекером, а Иудой.

– Ну ладно, – Сэм вздыхает. – Зато уж розыгрышей можно проверить сколько! Представь, все строчат тест, а потом через сутки работы превращаются в чистые листы. Или можно одну такую ручку учителю подсунуть, когда он оценки будет выставять. Вот получится бардак.

– И какой вариант ты выберешь? – спрашиваю я с улыбкой. Бардак – это прекрасно. – Готов ради тебя ползать по чужим карманам.

– Смотри – не перепутай и не напиши такой домашку, – Сэм швыряет в меня ручкой.

Она летит прямо в мою настольную лампу, но я успеваю вовремя ее поймать.

– Эй, осторожнее! А что там у тебя была за нелепая просьба?

– Кассель, – шепчет вмиг посерьезневший сосед, – можешь поговорить обо мне с Даникой?

Я молча кручу в пальцах ручку с невидимыми чернилами, а потом поднимаю взгляд.

– О чем?

– Я извинялся. Много раз. Не понимаю, чего ей надо.

– Что у вас случилось?

– Встретились в кафе, а потом опять все по новой, – Сэм качает головой. – Не понимаю. Это же она наврала. Скрыла от меня, что мастер. Я б и не узнал никогда, если бы ее братишка не проболтался. Так почему это я должен извиняться?

В любых отношениях важна расстановка сил. Иногда оба постоянно выясняют, кто главнее. Иногда всем заправляет кто-то один (хотя не обязательно тот, кто думает, что он главный). Наверное, бывает и так, что оба равны и никто ни с кем не сражается за власть. Я про такие случаи не знаю. Зато знаю, что соотношение сил может измениться в одно мгновение. Когда Сэм только начал встречаться с Даникой, он во всем ей уступал. А потом разозлился и никак не мог успокоиться.

А когда поостыл и готов был выслушать ее извинения, она расхотела извиняться. В последний месяц они так и скачут туда-сюда: ни один по-настоящему не раскаивается и потому не может задобрить второго. Когда кто-то созревает до извинений, момент оказывается неудачный. И оба уверены в собственной правоте.

Непонятно, разбежались они или нет. Сосед, видимо, и сам не знает.

– Если не понимаешь, зачем извиняться, то извинения выходят паршивые.

– Знаю, – Сэм качает головой. – Просто я хочу, чтобы все было как раньше.

Хорошо знакомое чувство.

– Что ей сказать?

– Просто разузнай, как мне все исправить.

Сосед в таком отчаянии, что приходится согласиться. Попробую. Если уж он обратился за помощью в любовных делах ко мне, то все совсем плохо. Но какой смысл это объяснять?

Утром, шагая через двор, я все жду, когда же выпитый с утра в общей комнате кофе наконец меня разбудит. Навстречу попадает моя бывшая, Одри Долан, да не одна – с подружками. Ее медные кудряшки ярко сияют в солнечных лучах. Одна из девчонок что-то тихонько говорит, остальные смеются.

– Эй, Кассель! Ставки еще принимаешь?

Я нехотя оборачиваюсь.

– Нет.

Вот видите: я изо всех сил стараюсь стать законопослушным гражданином. Честно стараюсь.

– Жаль, – кричит девчонка. – А я хотела сотню баксов поставить на то, что ты сдохнешь в одиночестве.

Иногда я сам не понимаю, почему так упорно пытаюсь не вылететь из Веллингфорда. Оценки у меня посредственные, были и есть, а в прошлом году успеваемость вообще скатилась ниже некуда. И в колледж я не собираюсь. Мне вспоминаются Юликова и программа, в которой участвует брат. Всего-то и нужно бросить школу. Я просто оттягиваю неизбежное.

Девчонка снова смеется, а Одри и остальные ей вторят.

Я иду и не оглядываюсь.

На этике развивающихся стран обсуждают журналистские предубеждения и то, как они влияют на наше мнение. Преподаватель просит привести пример, и тут Кевин Браун вспоминает одну статейку, в которой писали о моей матери. С его точки зрения, журналисты чересчур часто пытаются повесить всех собак на Пэттона, обвиняя его в легковёрности.

– Она же преступница, – разглагольствует Кевин. – Зачем выставять все так, будто губернатор Пэттон должен был каким-то образом предвидеть, что его девушка найдет на него

проклятие? Вот вам хороший пример: журналист пытается дискредитировать жертву. Не удивлюсь, если эта Шандра Сингер и над ним самим поработала.

В классе кто-то хихикает.

Я, не отрываясь, смотрю на ручку в руках, сосредоточенно вслушиваюсь в царапающие звуки – это мистер Льюис быстро пишет на доске о каком-то примере из недавних новостей про Боснию. На меня находит странная гиперконцентрация, когда весь зацикливаешься на настоящем, а прошлое и будущее отходят на второй план. Есть только здесь и сейчас. Медленно ползут минуты, и вот наконец звенит звонок, мы выскакиваем в коридор.

– Кевин? – тихонько говорю я.

Кевин разворачивается, ухмыляясь. Вокруг нас торопятся куда-то ученики, зажав под мышками книги и рюкзаки. Я их толком не вижу – все вокруг смазалось.

Ударяю Кевина в челюсть с такой силой, что в руке отдаётся.

– Драка! – вопит кто-то.

Выскочившие из классов учителя пытаются оттащить меня от лежащего на полу противника.

Я не сопротивляюсь. Будто онемел весь. В крови кипит адреналин. Страшно хочется еще кому-нибудь вмазать.

Меня отводят к завучу, вкладывают в руку бумажку. Сминаю ее и кидаю в стену. Приглашают в кабинет.

Внутри все завалено документами. Удивленный Уортон

убирает со стула кипы папок и кроссвордов и машет рукой – мол, садись. Обычно, если уж у меня неприятности, то сразу отправляют к директору.

– Драка? – уточняет Уортон, поглядев на мятую бумажку. – Два дисциплинарных взыскания, если вы первый начали.

Молча киваю, голос меня вряд ли сейчас послушается.

– Расскажите, что случилось.

– Да ничего, сэр. Я его ударил. Просто... В голове помутилось.

Уортон внимательно слушает и кивает.

– Вы понимаете, что еще одно взыскание, хоть по какому поводу, и вас исключат? Тогда, Шарп, вы не окончите школу.

– Да сэр.

– Сейчас сюда придет Кевин Браун и расскажет свою версию событий. Вы точно не хотите ничего добавить?

– Нет, сэр.

– Хорошо, – Уортон поднимает очки на лоб и трет переносицу затянутыми в коричневую перчатку пальцами. – Идите – посидите в приемной.

Выйдя за дверь, усаживаюсь прямо перед секретарским столом. Мимо, побряхтывая, проходит Кевин – в кабинет к Уортону. На щеке у него наливается зеленую кровоподтек. Синяк будет знатный.

Сейчас Кевин скажет: «Не знаю, что на Касселя нашло. Взял и с катушек слетел. Я его не провоцировал».

Через несколько минут Кевин выходит. Он ухмыляется мне, а я ухмыляюсь в ответ.

– Шарп, подойдите, пожалуйста.

Снова вхожу в кабинет и сажусь. На столе столько бумаг – только толкни, и все посыплется.

– Вы на что-то злитесь?

Уортон словно мысли мои читает.

Я открываю рот, чтобы возразить, но ничего не получает-ся. Да, я злюсь и уже так давно, что сам не отдаю себе в этом отчета. Кто бы мог подумать: мне на это указал именно Уортон.

Я в ярости.

Сам не знаю, зачем бросился выбивать пистолет из рук убийцы. А как приятно было ударить Кевина. Как хочется сделать это снова, и еще раз, почувствовать, как ломаются кости, увидеть кровь. Как восхитительно было стоять над поверженным врагом, пылая от гнева.

– Нет, сэр, – выдавливаю я. И сглатываю.

Интересно, когда же я умудрился так отдалиться от самого себя? Я понимал, что Сэм злится, когда разговор заходит о Данике. Но почему не видел, что сам охвачен яростью?

– Вам через многое пришлось пройти, – говорит Уортон после небольшой паузы. – Сначала погиб ваш брат Филип, потом ваша мать... попала в затруднительную юридическую ситуацию.

«Затруднительная юридическая ситуация». Да уж. Я ки-

ваю.

– Кассель, мне очень не хочется, чтобы вы покатались по наклонной.

– Все понял. Можно вернуться в класс?

– Идите. И помните, у вас два взыскания, а учебный год и за половину не перевалил. Схлопочете еще одно – вылетите из школы. Вы свободны.

Закинув на плечо рюкзак, возвращаюсь в учебный центр, как раз вовремя – скоро звонок. Лила по дороге не попалась, хотя я оглядывался на каждую встречную блондинку. Если мы столкнемся, ума не приложу, что ей сказать. «Ты тут на днях в первый раз заплатила наемному убийце. Ну и как оно?» – как-то чересчур в лоб.

К тому же, кто сказал, что это в первый раз.

Заворачиваю в туалет, включаю кран и брызгаю в лицо водой.

Ледяные капли скатываются по щекам, по шее прямо на ворот белой рубашки, холод меня отрезвляет.

Перчатки намочил. Как глупо – забыл их снять.

«Очнись, – говорю я сам себе. – Очнись наконец».

В зеркале мои глаза кажутся еще темнее. Резко выделяются обтянутые кожей скулы.

«Да уж, видок подходящий. Папа бы гордился. Ты, Кассель Шарп, просто очаровашка».

Каким-то образом успеваю в класс до прихода Даники. Прекрасно. Мы вроде как еще друзья, но она меня избегает

после ссоры с Сэмом. Придется загнать ее в угол, чтобы поговорить.

На физике мы садимся, где хотим, поэтому можно без проблем найти свободное место рядом с тем, где обычно садится Даника. Сгружаю на стул рюкзак и отхожу в дальний конец класса. Поговорю-ка с Уиллоу Дэвис. Спрашиваю про домашку. Уиллоу смотрит на меня подозрительно, но отвечает. Рассказывает про десять разных измерений пространства и одно времени: как все они переплетаются между собой. Входит Даника.

– Понял? – спрашивает Уиллоу. – Получается, могут существовать другие миры, где живут другие версии нас самих. Например, где-то есть привидения и настоящие монстры. Где-то нет людей с гиперинтенсивными гамма-волнами. А где-то у всех змеиные головы.

– Не может быть, – недоверчиво качаю головой я. – Да разве это наука? Слишком уж круто.

– Ты не читал ничего, что ли?

Пора возвращаться за парту. План сработал: Даника сидит на своем обычном месте – удивленно оглядывается, когда я отодвигаю рюкзак и шлепаюсь на свое. Пересаживаться поздно – так будет уж совсем очевидно, что она меня избегаёт. Даника оглядывает класс, будто подыскивая уважительную причину для побега, но все парты заняты.

– Привет! – я выдавливаю из себя улыбку. – Давненько не виделись.

– Слышала, ты подрался, – она поворачивается ко мне и вздыхает, будто на что-то решившись.

На ней блейзер с логотипом Веллингфорда и плиссированная юбка, ярко-фиолетовые колготки и еще более яркие фиолетовые перчатки подобраны в тон уже порядком выцветшим фиолетовым прядкам в каштановых волосах. Даника тихонько постукивает по ножке стола массивной туфлей с закругленным носком.

– Все еще злишься на Сэма? – вряд ли бы мой сосед обрадовался такому началу разговора, но нужно узнать главное, пока урок не начался.

– Это он тебе сказал? – морщится Даника.

– Мы же в одной комнате живем. Можно догадаться по его унылому виду.

– Я не хочу делать ему больно, – снова вздыхает она.

– И я тоже.

– Ответь на один вопрос, – просит Даника почти шепотом, наклонившись поближе.

– Да, ему очень-очень стыдно. Он знает, что перегнул палку. Может, вы, ребята, просто простите друг друга и...

– Вопрос не про Сэма.

В класс входит Йонадаб, берет кусочек мела и начинает расписывать на доске закон Ома. Я знаю, что это именно закон Ома, потому что так значитсЯ сверху большими буквами.

Открываю тетрадь, пишу там: «В чем тогда дело?» – и по-

ворачиваю страницу так, чтобы Даника увидела.

Она качает головой и не отвечает.

К концу урока взаимосвязь между силой тока, сопротивлением и расстоянием сильно понятнее не становится, но, кажется, Уиллоу была права насчет этих своих измерений и людей со змеиными головами.

После звонка Даника цепко хватает меня за локоть и неожиданно спрашивает:

– Кто убил Филипа?

– Я... – если отвечу, придется соврать, а врать ей не хочется.

– Моя мать взяла на себя роль твоего адвоката, – взволнованно шепчет Даника. – Она ведь выторговала для тебя сделку – иммунитет от уголовного преследования, чтобы федералы тебя не трогали, так? Ты обещал им сказать, кто убил людей из тех досье. И Филипа. Чтобы получить иммунитет. А зачем он тебе? Что ты такого сделал?

Тогда федералы сунули мне свои бумажки и заявили, что Филип обещал назвать им имя убийцы. Пока я хлопал ушами, Даника их увидела – очень зря. Я уже тогда это понял, хотя еще не знал, что в досье перечислены люди, которых трансформировал я сам. Трупы так и не нашли... Этих воспоминаний меня тоже лишил Баррон.

– Нам пора. Опоздаем, – говорю я.

Все ушли, и в класс потихоньку стягиваются ученики на следующее занятие.

Даника неохотно отпускает мою руку и тащится следом за мной к дверям. Забавно, как мы поменялись ролями: теперь в угол загоняют меня.

— Мы же вместе работали над тем делом, — не унимается она. И это в некотором роде правда. — Так что ты такого сделал?

Смотрю Данике в глаза, пытаюсь угадать ее мысли.

— Я не трогал Филипа. Брата своего я не трогал.

— А Баррон как же? С ним ты что сделал?

Недоуменно хмурюсь. Это еще что такое? Что ей в голову взбрело?

— Да ничего не сделал! С Барроном? Ты с ума сошла?

— Не знаю, — она чуть краснеет. — С кем-то же ты что-то сделал. Тебе нужен был иммунитет от уголовного преследования. Кассель, порядочным людям он ни к чему.

Конечно, она права: никакой я не порядочный человек. Забавно, с порядочными людьми вроде Даники вечно так — им абсолютно неведома склонность ко злу. Им ужасно трудно смириться с мыслью, что парень, который только что так приветливо улыбался, может быть способен на ужасные поступки. Вот и Даника обвиняет меня в убийстве, но при этом не боится, что я ее прихлопну, а злится. Она упорно считает, что мне нужно только послушать ее хоть разок, понять, что я дурно поступаю, и я тут же начну поступать хорошо.

— Слушай, — говорю я, останавливаясь возле лестницы. — Давай встретимся после ужина, и ты меня спросишь, о чем

захочешь. И про Сэма поговорим.

Конечно, всего я не расскажу, но она мой друг, и кое-чем с ней поделиться можно. Даника заслуживает правды – той правды, которую я могу открыть. Кто знает, может быть, если бы я действительно хоть раз ее послушал, я бы начал поступать хорошо.

Хуже-то уж точно некуда.

– Ты скажешь мне, кто ты такой? – спрашивает она, заправляя за ухо кудряшку измазанной в чернилах перчаткой. – Скажешь?

Застала меня врасплох. Смеюсь. Я так и не рассказал Данике свой самый большой секрет: я мастер трансформации. Наверное, пора. Наверное, Даника и сама кое о чем догадывается – иначе бы не спросила.

– Подловила ты меня. Хорошо, скажу. Все скажу, что можно.

– Ладно, – медленно кивает Даника. – После ужина я буду в библиотеке. Нужно доклад один написать.

– Договорились.

Со всех ног сбегая вниз по ступенькам, а потом мчусь через двор, чтобы успеть на занятие по керамике. У меня уже два взыскания – хватит на сегодня.

Горшок получается страшный, как смертный грех. Наверное, еще и с воздушным пузырьком: когда я ставлю его в печь, он взрывается, уничтожив при этом вазы и чашки

еще троих учеников.

Когда иду на тренировку по бегу, в кармане звонит телефон. Прижимаю его плечом к уху.

– Кассель, – это агент Юликова. – Загляни ко мне. Прямо сейчас. Как я понимаю, занятия на сегодня у тебя закончились. В школе все предупреждены. Им сказали, что у тебя сегодня назначен прием у врача.

– Но я как раз на тренировку по бегу иду, – хорошо бы она уловила в моем голосе недовольство.

У меня на плече болтается сумка со спортивной формой. Наверху ветер раскачивает кроны деревьев, усыпая кампус желто-оранжевыми листьями.

– Я уже много тренировок пропустил.

– Значит, если пропустишь еще одну, никто не заметит. Кассель, ей-богу, тебя вчера едва не убили. Надо это обсудить.

Вспоминаю про приклеенный скотчем к стенке шкафа пистолет.

– Ну ничего особенного же не случилось.

– Приятно слышать, – и Юликова вешает трубку.

По дороге к машине я пинаю палые листья.

Глава третья

Через несколько минут я уже сижу за столом напротив агента Юликовой. Она отодвигает в сторону кипы бумаг, чтобы лучше меня видеть. У Юликовой прямые седые волосы, постриженные где-то на уровне подбородка. Чем-то она напоминает птицу – нос длинный, черты лица мелкие. На шее массивное ожерелье из разноцветных бусин. В руках дымящаяся чашка чая, под темно-синим вельветовым пиджаком свитер, и все равно губы чуть посинели, будто ей холодно. Или простыла. Юликова больше напоминает преподавательницу из Веллингфорда, чем руководителя федеральной программы для обучения юных мастеров. Я знаю, она так одевается специально – чтобы подопечные чувствовали себя спокойнее. Юликова, наверное, вообще все делает специально.

Но ведь работает же.

Она мой куратор. Ей нужно заполучить меня в свою программу, как только мне стукнет восемнадцать, – такую сделку я заключил с федералами. Но пока не очень понятно, что со мной делать. Ей, видимо, тоже.

– Как дела, Кассель? – спрашивает Юликова с улыбкой, выражение у нее такое, будто бы ей и правда не все равно.

– Да вроде ничего, – нагло вру я.

По ночам едва сплю. Меня терзают сожаления. Зациклил-

ся на девчонке, которая меня ненавидит. Украл пистолет. Но таким, как она, вряд ли стоит изливать душу – Юликова ведь оценивает мое психологическое состояние.

– Ну и как – получается у брата учиться? – спрашивает она, делая глоток.

– Получается.

– Наверное, после смерти Филипа тебе хочется защитить Баррона, – взгляд у нее добрый, понимающий, и голос ровный. – Теперь вас осталось двое. Хотя ты и младший, на тебе большая ответственность...

Я пожимаю плечами.

– Но, если вчера ты оказался в опасной ситуации именно из-за обучения, мы немедленно все прекратим.

– Нет, все было совсем не так. Мы просто следили за одним человеком... Выбрали цель наугад. А потом Баррону позвонили. И я на несколько минут остался один и заметил убийцу. Погнал за пареньком – за убийцей. Глупо получилось, знаю. Но он сбежал, вот и все.

– Ты с ним разговаривал?

– Нет.

– Но ты же загнал его в угол в том переулке, правильно?

Я киваю, но потом поправляю ее:

– Сначала загнал, но он сразу же вскарабкался на забор.

– Мы нашли около забора обломок доски. Он хотел тебя ударить?

– Нет. Никто никого не бил. Может, он наступил на доску,

когда убегал. Все так быстро произошло.

– А можешь его описать? – Юликова наклоняется ко мне через стол и смотрит внимательно, будто пытаюсь прочесть все, даже самые мимолетные мои мысли, разгадать жесты и мимику.

Очень надеюсь, что у нее ничего не выйдет. Я, конечно, врать умею неплохо, но не более того. Раньше приходилось врать либо преступникам, действия которых я могу предугадать, либо простачкам, которыми можно манипулировать. Юликова – совсем другое дело. Я и понятия не имею, на что она способна.

– Да вряд ли, – пожимаю я плечами.

Она несколько раз кивает.

– Больше ничего не хочешь рассказать о случившемся?

Знаю, нужно рассказать про пистолет. Но если признаться сейчас, она спросит, почему я его взял. А может, спросит у Баррона, чем мы занимались. За кем следили. Если на брата найдет, он ей все выложит. Или еще хуже – выдумает какую-нибудь откровенную чушь, и Юликова сразу догадается про Лилу.

Конечно, я не хочу снова вести себя непорядочно, врать. Я хочу научиться поступать правильно, даже если мне это не нравится. Даже если я Юликову за это ненавижу. Но просто сейчас никак нельзя.

Вот в следующий раз... В следующий раз я уж постараюсь. Все расскажу. Но не сейчас.

– Нет. Ничего такого не случилось. Просто сглупил. Буду осторожней.

Юликова, окинув меня многозначительным взглядом, достает из ящика стола пачку бумаг на скрепке и кладет передо мной. Я знаю, что в этих бумагах. Как только я их подпишу, то перестану быть обычным гражданином. Соглашусь подчиняться особым правилам и законам. Если облажаюсь, судить меня будут закрытым судом безо всяких присяжных.

– Может, пора уже бросить Веллингфорд и тренироваться как положено вместе с Барроном и другими курсантами?

– Вы это уже предлагали.

– И ты уже отказывался, – Юликова с улыбкой достает из ящика бумажный платок и, прижав его к губам, кашляет. На белом платке остается темное пятно. – Видимо, и сейчас откажешься.

– Я действительно хочу стать федеральным агентом и работать в ПЮО. Хочу... – *Я хочу стать лучше. Хочу, чтобы она сделала меня лучше.* Говорить такое нельзя – это чистое сумасшествие. – Но вылететь из старшей школы – плохая идея. Да и соглашение об иммунитете от уголовного преследования...

– Возможно, нам удастся заполучить для тебя аттестат.

И не придется больше видеть Лилу, ее короткие светло-золотистые волосы, которые чуть завиваются на концах. Не придется слышать низковатый голос, от которого я сам себя забываю. Не придется стискивать зубы, чтобы, не дай

бог, не окликнуть ее по имени при встрече.

– Ждать осталось недолго. Я просто хочу закончить учебный год.

Юликова кивает: она разочарована, но не удивлена. Интересно, этот платок – на нем была кровь? Спрашивать неловко. Я вообще чувствую себя здесь неловко.

– Как там дела с амулетами? – интересуется она.

Вытаскиваю из кармана пять ровных каменных кругляшков с дырками посередине – пять амулетов трансформации, которые отведут проклятие мастера вроде меня. Хотя мастеров вроде меня на свете по пальцам перечесть. Пока их делал, очень устал, но хотя бы отдачи не было. Камни уже неделю болтались у меня в бардачке – все ждал подходящего случая их отдать.

– Очень редкая штука, – говорит Юликова. – Когда-нибудь пробовал колдовать, пока они на тебе?

– Нет, а что было бы?

– Да ничего, – улыбается Юликова. – Камень треснет, а у тебя будет упадок сил.

– Понятно.

Как ни странно, я чувствую разочарование. Сам не знаю, какого ответа ждал. Покачав головой, вываливаю амулеты прямо на стол. Они катятся по столешнице, словно рассыпанные монетки. Юликова долго смотрит на них, а потом поднимает взгляд.

– Для меня лично очень важно, чтобы ты был в безопас-

ности, – она снова делает глоток и улыбается.

Знаю, Юликова, наверно, говорит это всем потенциальным участникам своей программы, но все равно приятно.

Она провожает меня к дверям и мельком дотрагивается до моего локтя рукой в перчатке.

– От твоей мамы вестей не было? – голос тихий, будто она действительно переживает за семнадцатилетнего мальчишку, который болтается сам по себе и боится за мать.

Наверняка просто нужную информацию пытается выудить. А информации этой у меня, к сожалению, нет.

– Нет, – отвечаю я. – Не было. Может, ее убили.

Вот тут я как раз не вру.

– Кассель, я бы с удовольствием ей помогла. Для нашей программы очень важны и ты, и Баррон. Хорошо, если ваша семья не будет разлучаться.

Я молча киваю.

Если уж стал преступником, рано или поздно тебя поймут – так всегда бывает. Но может, у федеральных агентов все иначе. Может, их матерей никогда не сажают в тюрьму. Остается только надеяться на лучшее.

Снаружи здание выглядит совершенно обыкновенно: серая бетонная коробка средних размеров, в зеркальных окнах отражается заходящее солнце, рядом парковка. И никто бы не догадался, что верхние этажи занимают федеральные агенты, ведь над дверью вывеска «Ричардсон и Ко: клеи и герметики», а входят и выходят в основном люди в эле-

гантных костюмах.

Деревья почти облетели, остались лишь коричневые листья. Раннюю осень в красно-золотом наряде сменил холодный ветреный октябрь. Иду к своему «бенцу» – прекрасное напоминание о том, какую жизнь я мог бы вести, если бы принял предложение Лилиного отца и стал его тайным убийцей.

Все чаще и чаще мне кажется, что я сам себе худший враг. Возвращаюсь в Веллингфорд. Времени в обрез – только сумку со спортивной формой сгрузить да перехватить энергетический батончик. Пора в библиотеку к Данике. Бегом поднимаюсь по лестнице и останавливаюсь перед дверью в свою комнату. Она открыта.

– Кто тут? – спрашиваю я, заходя.

На моей кровати сидит девчонка. Я ее пару раз замечал в коридорах, но мы никогда не пересекались. Девятиклассница. Внешность азиатская – наверное, корейские корни. Длинные черные волосы ниспадают до самой талии. Толстые белые гольфы почти до колен, блестящие голубые тени для глаз. Она бросает на меня взгляд из-под длинных ресниц и застенчиво улыбается.

Должен признать, я слегка выбит из колеи. А это нечасто случается.

– Сэма ждешь?

– Я хотела поговорить с тобой, – девчонка встает и, прикусив губу, поднимает с кровати свой розовый рюкзак. А потом

нерешительно добавляет: – Меня зовут Мина. Мина Лэндж.

– Тебе вообще-то тут нельзя находиться, – я швыряю на пол сумку с формой.

– Знаю, – улыбается она.

– И я на секунду заскочил, – бросаю выразительный взгляд на дверь.

Понятия не имею, что она затеяла, но в последний раз, когда я застал девчонку на своей кровати, все тут же полетело к чертям. Так что ничего хорошего я не жду.

– Мина, не хочу показаться грубым, но, если ты что-то хотела мне сказать, так говори.

– А можешь остаться? – она делает шаг ко мне. – Мне нужно попросить об одном очень-очень большом одолжении, а больше обратиться не к кому.

– С трудом в это верю, – голос у меня немножечко напряженный. Предстоит разговор с Даникой. Не хватало только опоздать – придется объяснять еще и это. – Но, если что-то важное, я задержусь на пару минут.

– Может, сходим куда-нибудь, – губы у Мины накрашены розовым блеском. Такие мягкие на вид. Она нервно накручивает черный локон на пальчик в белоснежной перчатке.

– Мина, просто расскажи мне все, – выходит не очень-то строго.

Приятно же пусть и ненадолго поддаться иллюзии, представить, что от меня что-то очень-очень нужно прекрасный девушке, даже если я и сам в это не верю. Поддамся, нена-

долго.

– Я вижу, ты занят. Не буду тебя задерживать. Понимаю, что мы... Ты меня плохо знаешь. И я сама виновата. Пожалуйста, давай как-нибудь поговорим?

– Ладно. Конечно. Но разве ты не хотела...

– Нет. Я еще вернусь. Сама тебя найду. Я так и знала, Касель, ты хороший.

Мина проходит мимо – так близко, что я чувствую исходящее от нее тепло. Легкие шаги затихают в коридоре. А я все стою посреди комнаты и пытаюсь понять, что же такое только что произошло.

На улице уже не просто прохладно, но откровенно холодно – пробирает до костей. В такую погоду дрожишь даже по возвращении в теплую комнату, будто все промерзает изнутри.

Около библиотеки меня кто-то окликает.

Я знаю этот голос.

Поворачиваюсь.

На краю газона стоит Лиля в длинном черном пальто. Когда она размыкает губы, наружу вырывается облачко пара, будто призрак невысказанных слов. Лиля и сама похожа на призрак – вся черно-белая в тени облетевших деревьев.

– Отец хочет с тобой поговорить.

– Ладно, – и я шагаю следом за ней.

Вот так просто. Наверное, и с крыши вслед за ней спрыг-

нул бы.

Мы выходим на парковку и идем к серебристому «ягуару ХК». Понятия не имею, когда у Лилы появилась машина, когда она успела получить права. Надо что-нибудь сказать по этому поводу, поздравить, но, когда я открываю рот, Лила так смотрит, что заговорить я не решаюсь.

Молча усевшись на пассажирское сидение, достаю телефон. В салоне пахнет мятной жвачкой, духами и сигаретами. В держателе стоит наполовину пустая бутылка диетической колы.

Пишу сообщение Данике: «Сегодня не получится». Телефон тут же принимается звонить, но я ставлю его на беззвучный режим. Чувствую себя виноватым из-за того, что проדיнамил ее, хотя сам обещал честно ответить на все вопросы, но объяснять, куда, а тем более зачем, я еду, никак нельзя.

Лила искоса смотрит на меня. Ее профиль освещен уличным фонарем, изогнутая бровь и длинные ресницы отливают золотом. Она такая красивая, аж зубы сводит. Еще в восьмом классе на занятиях по психологии нам рассказывали одну теорию: будто у всех нас есть инстинкт смерти и где-то в глубине души мы стремимся к небытию, к гибели. Ее близость будоражит, словно стоишь на крыше небоскреба на самом краю.

Вот так я себя сейчас и чувствую.

– А где твой отец?

– С твоей матерью.

– Она жива? – я так удивлен, что даже облегчения не чувствую.

Мать с Захаровым? Непонятно, что и думать.

Лиля смотрит мне в глаза, но улыбка у нее недобрая:

– Пока жива.

Она заводит машину, и мы выкруливаем с парковки. Ловлю свое отражение в затемненном стекле. Возможно, я еду напрямиком навстречу смерти, а по виду и не скажешь.

Глава четвертая

«Ягуар» заворачивает в подземный гараж. Лила встает на пронумерованное место рядом с таун-каром и двумя BMW. О такой добыче мечтает любой автомобильный вор, вот только тот, кому хватит ума обокрасть Захарова, скорее всего, довольно быстро отправится купаться с ногами в тазике цемента.

Лила глушит мотор. Сейчас я в первый раз увижу квартиру, в которой она живет с отцом. По дороге мы оба молчали, и у меня было достаточно времени подумать. Лила знает, что вчера я за ней шпионил? Что работаю на ПЮО? Что видел, как она в первый раз заплатила наемному убийце? Что забрал у Гейджа пистолет?

Убьют меня сейчас или нет?

– Лила, – я кладу руку в перчатке на приборную доску, – то, что с нами случилось...

– Не смей, – она смотрит мне прямо в глаза. Целый месяц приходилось ее избегать, и теперь этот взгляд прожигает меня насквозь. – Ты, конечно, весь из себя смазливый мерзавец, но больше тебе в мое сердце не пролезть – я больше не позволю тебе вешать мне лапшу на уши.

– Да я и не хочу. Никогда не хотел.

Она выходит из машины.

– Пошли. Нам еще нужно вернуться в Веллингфорд до от-

боя.

Шагая следом за ней к лифту, я обдумываю ее слова. Ли-ла нажимает кнопку «П-3». Видимо, «П» – это пентхаус: лифт с такой скоростью взмывает вверх, что уши закладывает. Сумка-портфель сползает у нее с плеча, сама она чуть подалась вперед. В это мгновение в своем черном пальто Ли-ла кажется мне слабой и усталой, она похожа на птичку, проби-вающуюся сквозь бурю.

– Как здесь оказалась моя мать?

– Сделала одну глупость, – со вдохом отвечает Ли-ла.

Она имеет в виду ту историю с Пэттоном или что-то еще? Во время нашей последней встречи на руке у матери было кольцо с розоватым камнем. А еще раньше я нашел в старом доме одну фотографию. На ней мама такая молодая, похожа на Бетти Пейдж. Позирует в нижнем белье. Ту фотографию точно делал не отец. Может, Захаров. Да уж, есть о чем вол-новаться.

Двери лифта открываются, за ними оказывается огромная комната с белыми стенами, черно-белым мраморным полом и потолком в марокканском стиле, высотой метров пять – не меньше. Ковра нет, поэтому наши шаги отдаются гром-ким эхом. Вокруг камина в дальнем конце комнаты стоят ди-ваны. Там кто-то сидит. Три огромных окна выходят на Цен-тральный парк – на фоне сверкающих городских огней он кажется черным пятном.

Подойдя ближе, вижу, что на диване сидит мама в полу-

прозрачном белом платье, такого я у нее не видел. Кажется, дорогое. В руке у нее бокал с янтарной жидкостью. Мать не вскакивает, не принимается болтать, как обычно, – только улыбается сдержанной, почти испуганной улыбкой.

Но меня все равно охватывает несказанное облегчение.

– Ты жива.

– Добро пожаловать, Кассель, – здоровается стоящий у камина Захаров.

Он подходит к Лиле и целует ее в лоб. Точь-в-точь хозяин какого-нибудь роскошного поместья, а не преступный босс в своей огромной квартире на Манхэттене.

– Хорошая квартира, – я киваю (надеюсь, что вежливо).

Захаров по-акулы улыбается. Из-за отсветов камина его светлая шевелюра кажется золотой. Даже зубы блестят золотом, и я невольно вспоминаю Гейджа и пистолет, приклеенный скотчем у меня в шкафу.

– Лила, иди, займись домашним заданием.

Лила с перекосившимся от гнева лицом легонько дотрагивается до своей шеи – там у нее шрамы, она же теперь полноправный член преступного клана, а не просто дочь Захарова. Но ее отец не обращает внимания. Наверное, он даже не осознает, что только что обошелся с ней, как с ребенком.

– Иван, ты не против, если мы с Касселем пару минут побеседуем наедине? – осторожно спрашивает мама.

Она встает, берет меня под руку и уводит по коридору в необъятную кухню с полами из черного дерева. Столешни-

ца-остров в центре облицована ярко-зеленым камнем – возможно, малахитом. Сажусь на высокий табурет, а мама ставит на плиту прозрачный стеклянный чайник. Она хорошо ориентируется в квартире Захарова, и мне от этого не по себе.

Очень хочется схватить ее за руку, удостовериться, что это не сон, но мать занята и будто не замечает меня.

– Мам, я так рад, что ты... Но почему ты нам не позвонила и...

– Я совершила серьезную ошибку, очень серьезную, – она открывает серебряный портсигар, достает сигарету, но не прикуривает ее, а кладет на столешницу. Никогда раньше не видел маму такой взволнованной. – Зайчик, мне нужна твоя помощь.

Мне невольно вспоминается Мина Лэндж – неприятная ассоциация.

– Мы очень волновались. Несколько месяцев от тебя не было вестей, а в новостях что показывают – видела? Пэттон жаждет твоей крови.

– «Мы волновались»? – с улыбкой спрашивает мама.

– Я, Баррон, дедушка.

– Замечательно, что вы с братом снова сблизились. Мои дорогие мальчики.

– Мама, тебя показывают по всем каналам. Я серьезно. Копы тебя повсюду ищут.

Мать нетерпеливо качает головой.

– После тюрьмы я хотела раздобыть денег по-быстрому. Мне, зайчик, ох как трудно было в тюрьме. Я все время планировала то дельце, планировала, чем займусь, когда выйду. Кое-кто был мне должен, кое-что было припасено на черный день.

– Например?

– Бриллиант Бессмертия, – отвечает она почти шепотом.

Я видел на ней то кольцо. Она надевала его один раз, после смерти Филипа, когда мы обедали в ресторане. У этого камня уникальный цвет – будто в стакане воды растворили каплю крови. Тогда я решил, что ошибся, перепутал, хоть и знал, что у Захарова на булавке для галстука подделка. Мало ли – может, оригинал он просто припрятал. Уж конечно, я и подумать не мог, что его украла моя мать.

– Ты его украла? – одними губами спрашиваю я, оглядываясь на дверной проем. – Обокрала его?

– Это было очень давно.

Поверить не могу, что она так спокойно об этом говорит.

– Еще когда ты с ним мутила? – шепотом спрашиваю я.

Видимо, в первый раз в жизни удалось хорошенько ее удивить.

– Я...

– Я нашел фотографию, когда убирался в доме. У фотографа кольцо – точь-в-точь как у Захарова с дедушкиных снимков. Тогда я не был уверен, но теперь знаю наверняка.

Мама оглядывается на дверной проем, потом снова на ме-

ня. Прикусила нижнюю губу, так что помада слегка размазалась по зубам.

– Ладно. Да, было. Тогда или около того. В общем, я его украла и заказала копию... Я знала, что он захочет вернуть камень даже спустя столько лет. Без него он оказался в неловком положении.

Да уж, это мягко говоря. Глава преступного клана точно не захочет, чтоб все вокруг догадались, что у него украли главную его драгоценность. Причем украли много лет назад, а он с тех самых пор щеголяет с подделкой. Особенно, если эта драгоценность – Бриллиант Бессмертия, который, если верить легендам, делает своего владельца неуязвимым. Это же будет явная демонстрация слабости.

– Ага.

– Вот я и подумала, что продам камень обратно.

– Ты – что? Да ты с ума сошла? – вскрикиваю я уже в голос.

– Все должно было пройти без сучка, без задоринки, – мама, зажав губами сигарету, наклоняется к горелке, чтобы прикурить, а потом глубоко затягивается и выдыхает облако дыма.

Кончик у сигареты поблескивает красным.

На плите закипает чайник. Рука у мамы дрожит.

– А он не против, что ты здесь куришь?

– План был хороший. С посредником, все продумано. Но оказалось, что камня у меня нет. Только подделка.

С минуту я молча пялюсь на нее.

– Значит, кто-то нашел его и подменил?

– Выходит, что так.

Чем дальше – тем хуже, и расспрашивать уже совсем не хочется, но выхода, вероятно, нет.

– И?

– Иван готов был немножечко заплатить, чтобы вернуть свой камень. Он ведь уже и не чаял его увидеть. Я собиралась продать ему бриллиант обратно. Но когда выяснилось, что это подделка... Иван убил посредника и узнал, что за этим стою я.

– И как же он об этом узнал?

– Когда убивал посредника...

– Все, – взмахиваю рукой я. – Про это слушать не желаю.

Мама снова затягивается и выдыхает три ровных колечка. В детстве я такие штуки обожал. Вечно пытался просунуть сквозь них руку так, чтобы они не развеялись, но ни разу не вышло.

– Иван... Рассердился. Но мы же давно знакомы, так что убивать сразу не стал. Нас с ним в прошлом многое связывало. Он поручил мне одно дело.

– Дело?

– Разобраться с Пэттоном. Иван всегда интересовался политикой. Сказал, что очень важно сделать так, чтобы вторая поправка не прошла в Нью-Джерси, ведь иначе ее могут протащить и в других штатах. Мне всего-то и надо было заста-

вить Пэттона от нее отказаться. Иван думал, что после этого все само собой развалится...

– Стой, – я хватаюсь за голову. – погоди. Ничего не понимаю! Когда это все было? Еще до гибели Филипа?

Чайник начинает оглушительно свистеть.

– Да. Но видишь ли, я все запорола. Ничего не вышло. Я не дискредитировала Пэттона. Наоборот, из-за меня, видимо, вторая поправка станет еще популярнее. Ты же знаешь, детка, политика – не мой конек. Я умею заставлять мужчин дарить подарки, умею вовремя удирать, пока не запахло жареным. А мерзкие прихвостни Пэттона постоянно разнюхивали, выпрашивали, раскапывали мое прошлое. Я так работать не могу.

Я оторопело киваю.

– И теперь Иван требует, чтобы я вернула камень. А я и понятия не имею, где он! А Иван говорит, что не отпустит меня, пока не верну. Но как мне его вернуть, когда я даже не могу искать?

– Так вот зачем я здесь.

Мама смеется и на мгновение становится немного похожа на себя прежнюю.

– Именно, зайчик. Ты же найдешь для мамочки камешек? И я смогу вернуться домой.

Ну, конечно же. Выпорхнет из квартиры Захарова прямо в руки рыскающей по всему Нью-Джерси полиции. Но я снова киваю, пытаюсь осмыслить услышанное.

– Погоди. Когда мы с тобой и Барроном ели суши... Во время нашей последней встречи... На тебе было кольцо. Захаров уже тогда натравил тебя на Пэттона?

– Да. Я же сказала. Я подумала, раз уж это подделка, можно и надеть.

– *Мам!*

В проеме появляется тень с серебристыми волосами. Захаров. Он проходит мимо нас к плите и выключает конфорку. Чайник замолкает, и только тут я осознаю, как громко он свистел.

– Вы закончили? Лила говорит, ей пора возвращаться в Веллингфорд. Если хочешь ехать с ней, надо поторопиться.

– Еще минутку, – прошу я.

Ладони в перчатках потеют. Я и понятия не имею, где искать этот Бриллиант Бессмертия. А если не успею найти его и у Захарова кончится терпение, он может убить маму.

– Только быстро, – окинув внимательным взглядом сначала мать, а потом меня, Захаров выходит в коридор.

– Хорошо. Где ты его видела в последний раз? Где он лежал?

Мама кивает.

– Он лежал завернутый в комбинацию в дальнем углу в ящике моего комода.

– А когда ты вышла из тюрьмы – он все еще был там? На том самом месте?

Мама снова кивает.

У нее два комода, оба завалены туфлями, дырявыми пальто и платьями, поеденными молью. Вряд ли кто-то просто так копался в них и шарил в ее комоде ... Если только не знали, что надо искать именно в спальне.

– И никто больше не знал, что он там? Ты никому не говорила? Ни единой живой душе?

– Ни единой живой душе.

Мамина сигарета уже наполовину превратилась в пепел – вот-вот осыплется на перчатку.

– Ты сказала, что подменила камень подделкой, – говорю я после долгой паузы. – А кто ее изготовил?

– Один умелец из Патерсона, знакомый твоего отца. Он все еще работает, у него хорошая репутация – не болтает лишнего.

– Может, он изготовил две подделки, а настоящий камень забрал себе.

Мама не спешит соглашаться.

– Дай его адрес, – я оглядываюсь на проем. – Я с ним поговорю.

Она принимается шарить в ящиках рядом с плитой. В одном лежат ножи в деревянной подставке. В другом кухонные полотенца. Наконец среди черных мешков для мусора и скотча находится ручка. Мать пишет прямо у меня на руке: «Боб, Ювелирные изделия, Патерсон».

– Посмотрю, что получится раскопать.

Обнимаю ее. Мама обнимает меня в ответ так сильно,

что кости хрустят. Потом отпускает, отворачивается, бросает окурок в раковину.

– Все будет хорошо, – утешаю я.

Но она не отвечает.

В комнате уже ждет Лила, на ней пальто, на плече сумка. Рядом стоит Захаров. На лицах у обоих отстраненное выражение.

– Ты понял, что нужно делать? – спрашивает Захаров.

Киваю. Он провожает нас к выходу. Только вместо входной двери тут лифт, позолоченный, покрытый спиральными узорами.

Дверь открывается, и я оглядываюсь на Захарова. Его голубые глаза холодны, как лед.

– Только попробуйте тронуть мою мать, и я вас убью.

– Боевой у тебя настрой, пацан, – ухмыляется он.

Мы с Лилой едем в лифте. Лампы над головой мигают.

Вырулив из гаража, Лила поворачивает к туннелю, чтобы выехать на шоссе. Мимо проносятся яркие огни баров, ресторанов и клубов, перед ними на тротуарах толпится народ. Громко сигналият такси.

Великолепная прокуренная манхэттенская ночь только вступает в свои права.

– Мы можем поговорить?

– Это вряд ли, Кассель, – Лила качает головой. – Хватит, натерпелась уже унижений.

– Пожалуйста. Я просто хочу объяснить, попросить прощения...

– Не смей.

Она включает радио. Там идут новости: губернатор Пэттон уволил всех правительственных служащих с гиперинтенсивными гамма-волнами, даже тех, у кого не было судимости. Лила переключает станцию. Теперь из колонок льется громкая поп-музыка. Какая-то певичка заливается про то, как она танцует у кого-то в голове, расцвечивает сны. Лила делает погромче.

– Я не хотел делать тебе больно, – ору я, перекрикивая музыку.

– А вот я тебе больно сделаю, если не заткнешься, – орет в ответ Лила. – Слушай, я знаю, прекрасно знаю, как мерзко тебе было, когда я рыдала и умоляла тебя стать моим парнем, висла на тебе. Хорошо помню, как ты морщился. Помню все твое вранье. Позорище. Что ты, что я.

Я нажимаю на кнопку, и в машине резко воцаряется тишина.

– Нет, – голос у меня чуть хриплый. – Все было совсем не так. Ты не понимаешь. Я до ужаса тебя хотел. Я люблю тебя – никого в жизни так не любил. И не полюблю. Даже если ты меня ненавидишь, пусть – все равно легче стало, ведь теперь можно сказать. Я хотел тебя защитить – от себя самого, от своих чувств. Ведь я сам себе не доверял, боялся забыть, что это все не по-настоящему... Что ты не чувствовала

того же... В любом случае, прости. Прости, что я тебя унизил. Очень надеюсь, что я не... Прости, что позволил этому зайти так далеко.

Несколько минут мы молчим. А потом Лила резко выкручивает руль влево, и машина, с визгом чиркнув шинами по асфальту, сворачивает в переулок. Мы возвращаемся в центр.

– Все, я все сказал. Теперь молчу.

Она ударяет по кнопке, снова включается радио, в салоне гремит музыка. Лила на меня не смотрит, но глаза у нее подозрительно блестят, словно от слез.

Через пару минут мы резко тормозим у автобусной остановки.

– Лила...

– Выметайся, – она отвернулась, голос дрожит.

– Да ладно. Я же не успею на автобусе. Пропущу отбой и вылечу из школы. У меня уже два взыскания.

– Это не моя проблема.

Она нашаривает в сумке большие черные очки и надевает их. Теперь пол-лица закрыто. Глаз не видно – только опущенные уголки губ. И все равно я понимаю, что она плачет.

– Пожалуйста, Лил, – я так ее не называл с самого детства. – Всю дорогу буду нем, как рыба. Клянусь. И прошу прощения.

– Господи, как же я тебя ненавижу. Ненавижу. Почему парням вечно кажется, что лучше соврать, наплести девчон-

ке, что ее любил, а бросил исключительно ради ее же блага? Еще и в мозгах у нее покопаться ради ее же собственного блага. Тебе, Кассель, полегчало? Да? С моей-то точки зрения, это все полный треш.

Я открываю было рот, чтобы оправдаться, но вспоминаю, что обещал молчать. Поэтому просто качаю головой.

Лила резко отъезжает от тротуара и ударяет по газам, так что меня вжимает в сидение. Смотрю только на дорогу. До самого Веллингфорда мы оба молчим.

В общежитии я, уставший донельзя, заваливаюсь спать, а просыпаюсь еще более выжатым.

Натягиваю школьную форму, а сам все думаю об огромной холодной квартире Захарова, где теперь заперта мать. Интересно, каково Лиле просыпаться там каждую субботу и идти в необъятную кухню варить кофе?

И сколько, интересно, она сможет терпеть маму? Когда не выдержит и расскажет Захарову о том, что та с ней сотворила? Наверно, каждый раз при виде моей матери Лила вспоминает, как ее вынудили меня любить. И каждый раз ненавидит меня чуточку больше.

Вспоминаю, как она отвернулась от меня в машине, как в ее глазах блестели слезы.

Не знаю, с чего начать, как вымолить прощение. Понятия не имею, как помочь маме. Если не найду бриллиант, единственный способ умиловить Захарова – вступить в клан, больше в голову ничего не приходит. Значит, придется пре-

дать федералов. И прощай все попытки стать хорошим. Если пойду в подчинение к Захарову... Любой дурак знает, что выплатить долг мафии невозможно. Мне просто будут до бесконечности увеличивать процент.

– Пошли, – Сэм чешет макушку, ероша волосы. – Опять завтрак пропустим.

Я с ворчанием тащусь в ванную, чищу зубы, бреюсь. Морщусь, увидев в зеркале свои покрасневшие глаза.

В столовой смешиваю себе мокко: стакан кофе и пакетик горячего шоколада. От кофеина и сахара удается чуток проснуться и закончить парочку задач для статистики. На меня мрачно пялится сидящий за дальним столиком Кевин Браун, на щеке у него темнеет огромный синяк. Ничего не могу с собой поделать – ухмыляюсь ему.

– Знаешь, если бы ты делал домашку вечером, не пришлось бы кропать ее на уроках, – сокрушается Сэм.

– Не пришлось бы, если бы кое-кто дал списать.

– Вот уж нет. Ты ж у нас теперь встал на путь истинный. Так что, чур, не жульничать.

– Увидимся за обедом, – я со вздохом встаю.

Утренние объявления слушаю, уткнувшись лбом в сложенные руки. Сдаю сделанную на коленке домашку и списываю с доски новые примеры. Когда выхожу в коридор после урока английского, рядом со мной пристраивается девчонка.

– Привет, – здоровается Мина. – Можно, я рядом пойду?

– Ну да, конечно, – я хмурюсь. Никто меня раньше и не

спрашивал. – С тобой все в порядке?

Сначала она молчит, а потом вываливает на меня свою историю.

– Кассель, меня кто-то шантажирует.

Я останавливаюсь и окидываю ее внимательным взглядом. Вокруг спешат по своим делам ученики.

– Кто?

– Не знаю. Но ведь это же не важно?

– Наверное, нет. Но я-то чем могу тебе помочь?

– Хоть чем-нибудь. Ты же сделал так, что Грега Хармсфорда исключили.

– Ничего я такого не делал.

– Пожалуйста, – Мина умоляюще смотрит на меня из-под полуопущенных ресниц. – Мне очень нужна твоя помощь. Я знаю, ты можешь помочь.

– Вряд ли у меня получится...

– Я знаю, ты можешь пресечь слухи. Даже если эти слухи – правда, – она опускает взгляд, словно боится, что я рассержусь.

Вздыхаю. Все-таки есть свои преимущества, когда работаешь школьным букмекером.

– Я не сказал, что не попытаюсь. Просто ты не жди слишком многого.

Мина с ослепительной улыбкой отбрасывает за плечо блестящие волосы. Они черным плащом укрывают ее спину.

– Но, – я предупреждающе поднимаю руку: пусть не раду-

ется раньше времени, – ты должна мне все рассказать. От начала до конца.

Мина кивает, восторга у нее явно поубавилось.

– Вот прямо сейчас. Если будем откладывать...

– Я сделала несколько фотографий, – выпаливает она, а потом взволнованно поджимает губы. – Саму себя снимала, без одежды. Собиралась парню отправить. Но так и не отправила, а с фотика не стерла. Очень глупо, да?

Что на это ответишь?

– А кто твой парень?

Мина опускает взгляд и поправляет лямку рюкзака на плече, вид у нее сейчас такой трогательный и незащищенный.

– Мы с ним расстались. Он о снимках не знал. И точно ни при чем.

Мина лжет.

Я не очень понимаю, как именно, но, пересказывая подробности, она себя выдала – не смотрит в глаза, не знает, куда деть руки.

– И видимо, кто-то эти фотографии заполучил, – я пытаюсь вытянуть из нее окончание истории.

– Да, две недели назад фотик украли. А в воскресенье кто-то подsunул мне под дверь записку. Там сказано, что я должна достать пять тысяч долларов. И принести их в шесть утра на бейсбольное поле в следующий вторник. Иначе мои фотографии увидят все.

– На бейсбольное поле? – я хмурюсь. – Дай-ка посмотреть записку.

Мина достает из рюкзака сложенный вдвое лист белой бумаги. Все, как она и сказала. Записка напечатана на принтере, наверное, на школьном.

Снова хмурюсь. Что-то не сходится.

– У меня таких денег нет, – Мина сглатывает. – Я не могу заплатить шантажисту. Но тебе могу. Я придумаю как.

Мина говорит это таким голосом, так взволнованно глядит из-под трепещущих ресниц – совершенно очевидно, что именно она имеет в виду. Вряд ли Мина действительно на это пойдет, но, видимо, сейчас она в панике, раз готова предложить такое.

Довольно часто люди попадают на уловки мошенников, ни о чем не подозревая. Легковерных дураков на свете полно. Но нередко бывает и так, что в самом начале жертва что-то подозревает. И не уходит. Может, надеется на что-то. Может, первая ставка достаточно мала – не жалко. Может, скука одолела. Поразительно, как часто человек попадает на крючок, зная, что его пытаются обмануть. Все подсказки налицо. Но простачок просто не обращает внимания. Потому что хочет поверить. И поддается.

– Так ты мне поможешь?

Неумелое вранье Мины меня даже трогает. Я, точно как тот простачок, вижу, что меня пытаются обдурить. Но почему-то, глядя на ее откровенные попытки мною ма-

нипулировать, не могу отказать.

– Попробую.

Я пока не очень понимаю, что происходит. Красивая девчонка смотрит на меня так, будто я могу решить все ее проблемы. И я не прочь их решить. Разумеется, было бы гораздо проще, если бы она рассказала всю правду.

Мне действительно не помешала бы сейчас маленькая победа.

Мина благодарит и обнимает меня за шею. От нее пахнет кокосовым гелем для душа.

Глава пятая

На физике снова сажусь рядом с Даникой. Она открывает тетрадку, разглаживает складки на черной плиссированной юбке и награждает меня поистине убийственным взглядом. Отвожу глаза и замечаю растрепавшуюся ниточку на вышитой золотом эмблеме Веллингфорда на кармане ее блейзера.

– Прости, пожалуйста, что не смог вчера прийти в библиотеку, – покаянно говорю я, прижав руку к сердцу. – Я честно собирался.

Даника молча собирает каштаново-фиолетовые кудряшки в некое подобие пучка, а потом, сняв с руки резинку, кое-как перетягивает эту конструкцию. И как оно держится – ума не приложу.

– Я ездил к Лиле. Ей надо было кое-что сообщить мне о моих родных. Отложить никак было нельзя.

Даника фыркает.

– Если мне не веришь, спроси ее.

Она достает из рюкзака карандаш с изгрызенным кончиком и тыкает в меня:

– Я хочу спросить тебя. Всего один вопрос – ответишь на него честно?

– Не знаю.

Кое о чем я рассказывать не могу, а кое о чем не особенно хочу. Но я хотя бы честно могу в этом признаться. Хотя

Даника мою откровенность не особенно оценила.

– Что случилось с той кошкой, которую мы выручили из приюта?

Я не спешу с ответом.

С правдой всегда так – умный всегда вычислит, о чем ты умолчал. Врать легко и безопасно. А вот когда говоришь правду, можно и вляпаться. Я рассказал Данике о том, как братья изменили мои воспоминания, как они пытались заставить меня убить Захарова и держали Лилу в плену, но опустил одну очень важную деталь – не сказал, что я мастер трансформации.

Слишком боялся. Я и так многое рассказал Данике и не мог заставить себя выдать и эту последнюю тайну. Самой тайны тоже боялся. Боялся сказать о ней вслух. И вот теперь Даника сопоставила факты и нашла нестыковку. Та кошка – она ведь больше никогда ее не видела.

– Я могу все объяснить.

– Так и думала, что ты это скажешь, – Даника качает головой и отворачивается.

– Да ладно тебе. Я действительно могу все объяснить. Просто дай мне шанс.

– Я тебе давала шанс, – она переходит на шепот, потому что Йонадаб уже проверяет присутствующих. – И ты его прохлопал.

Пусть Даника на меня сердится, я-то знаю: для нее важнее всего на свете узнать правду. Видимо, ей кажется, что она

ее знает.

Из-за чего-то же она затеяла разговор о событиях полу-годовой давности. Наверное, Лила что-то сболтнула; может, даже сказала, что я мастер трансформации и именно из-за меня она несколько лет провела в теле животного. Ведь именно Лила была той кошкой, которую мы украли. Они с Даникой много времени проводили вместе. Наверное, Лиле нужно было с кем-нибудь поговорить. Эта тайна принадлежит не только мне, но и ей.

А теперь, видимо, и Даника знает.

На тренировку по бегу не иду – плюхаюсь на диван в общей комнате в общежитии и забиваю в Google «ювелирный магазин в Патерсоне». Сайт у них корявый: предлагают заплатить наличными за золотые изделия, берут на реализацию. Закрываются в шесть, так что уже не успеть.

Набираю указанный номер. Называюсь старым клиентом – мне нужен Боб, только ему я могу доверить кое-какие вещицы на продажу. Женщина на другом конце провода ворчливо сообщает, что Боб будет только в воскресенье. Благодарю и вешаю трубку. Вот и появились планы на выходные.

Вряд ли человек, который перепродал Бриллиант Бесмертия и сорвал большой куш, остался бы работать в такой дыре. Так что ничего особенного от поездки в Патерсон я не жду.

На сайте, кстати, имеется страница с рекламой амулетов. Все вроде законно. Амулеты трансформации не продают. Если бы продавали, сразу стало бы ясно – мошенники, ведь мастеров трансформации днем с огнем не сыщешь. Выставлены в основном амулеты против магии удачи. И несколько более редких – против магии памяти и смерти. Отвести проклятие можно только один раз, потом камень треснет и придется покупать новый. Никаких подозрительных рекламных заявлений. Наверное, раз Боб знал папу, то у него были (и, судя по амулетам, есть) кое-какие связи с мастерами.

Логично, что специалист по подделкам знается с нашим братом. Магия вне закона, и каждый, кто ею пользуется, автоматически превращается в преступника. А рыбак рыбака видит издалека.

И тут мои мысли, конечно, перескакивают на Лилу.

Она меня и так уже ненавидит, а как подпишу бумаги и стану федеральным агентом, возненавидит еще сильнее. В Карни, где мы с ней в детстве проводили лето, считалось, что, если мастер переметнулся к правительственным, так он предатель, распоследняя тварь, которой и руки никто не подаст.

Где-то в глубине души меня греет извращенная мысль: я могу выкинуть такое, от чего все эти убийцы, мошенники и лжецы выпучат глазенки от ужаса. Готов поспорить, они думают, что у меня кишка тонка.

Но я не хочу причинять боль Лиле – во всяком случае,

больше, чем уже причинил. И кто бы обо мне что ни думал, я никогда не позволю полиции ей навредить.

В общую комнату заходит парень из одиннадцатого, Джейс. Включает телевизор, находит какое-то реалити-шоу: королевы красоты на необитаемом острове. Я особенно не вслушиваюсь. Мысли перескакивают на Мину Лэндж.

Даже думать не хочу, почему у меня в голове она связалась с Лилой.

Снова и снова прокручиваю в голове куций рассказ Ми-ны, пытаюсь выловить какую-нибудь подсказку. Почему вор украл фотик две недели назад, а шантажировать ее начал только сейчас? Обычно фотик воруют не ради фотографий – почему воришке вдруг приспичило просматривать чужие снимки? С другой стороны, в Веллингфорде почти все ученики легко могут позволить себе фотик, а уж сколько богатеньких детишек воруют исключительно ради развлечения – и представить трудно. Тырят по мелочи в соседнем супермаркете, вламываются друг другу в комнаты, неумело вскрывая замки, и тащат печенье или айпады.

К сожалению, это лишь расширяет круг подозреваемых. Шантажистом может оказаться кто угодно. Скорее всего, насчет пяти тысяч баксов и бейсбольного поля – это просто шутка, Мину пытаются напугать. Во всем этом чувствуется какая-то мелочная злоба – наверное, девчонка, одна или с подружками. Хотят помучить жертву всласть.

В этом случае рассчитано все очень хорошо. Даже если

Мина поймет, что они блефуют, то ничегошеньки не сможет сделать – она же не хочет, чтобы все увидели фотки. Но тогда девчонки наверняка исподтишка хихикают над ней в столовой, издеваются в классе, даже если не упоминают сами снимки.

Если бы только я был уверен, что Мина не врет.

Такими делами ведь и занимаются агенты ФБР? Конечно, работают они по-крупному, но приемы-то используют те же. Может, такие задачи как раз полагается решать Баррону, только вот эта досталась мне. Небольшое расследование, тайная практика. Когда я наконец вольюсь в их ряды, то хоть в чем-то его обскачу.

И это небольшое расследование поможет доказать самому себе, что я сделал правильный выбор.

Я все еще прокручиваю в голове разные способы вывести шантажиста на чистую воду, и тут реалити-шоу прерывается из-за новостей. Губернатор Пэттон стоит на ступеньках здания суда, перед ним куча микрофонов, громко кричат журналисты.

– А вы знали, что существуют правительственные подразделения, в которых работают исключительно мастера? И у этих мастеров есть доступ к вашим личным данным. Вы знали, что, когда людей принимают на государственную службу, не проводится никакого специального тестирования, чтобы выявить потенциальных преступников? – вещает губернатор. – Нужно найти и выгнать их всех из правительствен-

ных органов! Как можно обеспечить безопасность наших законотворцев, если кто-то среди их помощников, секретарей и даже непосредственных коллег пытается подорвать усилия, направленные на то, чтобы вычислить этих негодяев? Ведь получается, что такие усилия направлены и против них самих.

На экране появляется лицо журналистки, покрытое толстым слоем косметики. Она рассказывает о заявлении сенатора из Нью-Йорка, Джеймса Рейберна, который осуждает позицию Пэттона. Показывают этого самого Рейберна – он стоит на синем фоне за кафедрой с американским гербом. Довольно молод для сенатора и улыбка у него профессиональная – видимо, умеет убеждать людей и дурить им головы, но с виду не такой уж и пронира. Мне хочется ему симпатизировать. Он похож на отца.

– Недавние заявления и действия губернатора Пэттона глубоко меня разочаровали. Разве не общеизвестно, что тот, кто поборол искушение, добродетельнее того, кому еще не представилась возможность встретиться лицом к лицу со своими демонами? Эти люди, от рождения наделенные гиперинтенсивными гамма-волнами, не стали преступниками, не воспользовались своими способностями ради выгоды, хоть искушение и было велико. Они такие же, как мы, они не поддались, напротив, решили оградить нас от своих менее праведных братьев. Они достойны уважения. Так неужели же мы объявим на них охоту, как призывает это сделать

губернатор Пэттон?

Журналистка обещает подробнее рассказать о ситуации, о заявлениях других членов правительства.

Нащупав пульт, переключая канал. Джейс уткнулся в ноутбук: ему вроде все равно, и на том спасибо. Наверное, если Пэттон отвлекся на что-то и хотя бы на время забыл про маму, это хорошо, но смотреть на его физиономию все равно мерзко.

Перед ужином бегу в комнату скинуть рюкзак и, поднявшись по лестнице, сталкиваюсь с Сэмом. Он несется по коридору, волосы торчат дыбом, на шее и щеках красные пятна, глаза блестят, как бывает у влюбленных, взбешенных и сумасшедших.

– Что стряслось?

– Она хочет забрать обратно все свои вещи, – он изо всей силы ударяет кулаком по стене так, что трескается штукатурка.

Я удивленно смотрю на него: обычно Сэм ничего подобного себе не позволяет. Мой сосед – парень крупный, но я никогда не видел, чтобы он вот так использовал свою силу.

– Даника? – идиотский вопрос. Конечно, Даника, кто же еще.

Просто это так нелепо. Конечно, они поругались, но ведь из-за глупости. У них же друг к другу чувства – и явно более сильные, чем обида из-за того мелкого недоразумения.

– Что стряслось?

– Позвонила мне и сказала, что все кончено. Уже почти месяц как кончено, – Сэм сгорбился и стоит, опершись рукой о стену, уткнулся носом в сгиб локтя. – Сказала, что видеть меня не желает, даже чтобы забрать вещи. Я извинился... Много-много раз извинился... Сказал, что сделаю что угодно, чтобы ее вернуть. Но что мне делать?

– Может, ей нужно время.

– Нет. Она с кем-то встречается.

– Да быть того не может. Она просто...

– Точно встречается. Сама мне сказала.

– С кем?

Я вспоминаю всех, с кем при мне разговаривала Даника. Смотрела она на кого-нибудь с обожанием? Встречалась с кем-нибудь чаще обычного? Может, кто-нибудь задерживался после собрания СГЛАЗ-а, чтобы с ней поговорить? Ничего такого не помню. Не могу ее ни с кем представить.

– Не хочет говорить, – качает головой Сэм.

– Слушай. Мне очень-очень жаль. Хочешь, закину рюкзак, и смоемся отсюда? Пиццу поедим или еще чего. Хоть на пару часов сольемся.

Я хотел сегодня встретиться с Миной в столовой, но это подождет.

– Нет, я просто хочу побыть один.

– Уверен?

Сэм кивает и с громким топотом спускается по ступенькам. А я захожу в комнату, бросаю рюкзак с учебниками

на кровать и только тут замечаю Лилу: стоя на коленях, она что-то высматривает под комодом у Сэма. Короткие золотистые волосы упали на глаза, рукава рубашки закатаны до локтей, колготок на ней нет – только коротенькие носки.

– Привет, – изумленно бормочу я.

Лила распрямляется. Злится или нет – не понятно, но щеки слегка порозовели.

– Не думала тебя здесь застать.

– Я вообще-то здесь живу.

Лила поворачивается ко мне лицом. Теперь она сидит перед комодом, скрестив ноги, плиссированная юбка чуть задралась. Стараюсь не смотреть, не вспоминать, какая мягкая у нее на ощупь кожа, но это совершенно невозможно.

– Не знаешь, где игрушечная сова Даники? Она клялась, что оставила ее здесь, а Сэм сказал, что не видел.

– И я не видел.

– Еще книжка. «Сопри эту книгу» Эбби Хоффмана¹.

– Виноват, – я достаю книгу из своего комода. А когда Лила смотрит на меня со значением, оправдываюсь: – А что такого? Я думал, она Сэму принадлежит, вот и взял.

Лила, в одно мгновение оказавшись на ногах, вырывает у меня Хоффмана.

– Да не в этом дело. Не знаю в чем. Зачем я вообще на это согласилась? Просто Даника так расстроилась.

---

¹ «Сопри эту книгу» – руководство для молодежи известного активиста-шестидесятника Эбби Хоффмана.

– Это Даника расстроилась? Она ему, между прочим, сердце разбила.

Вот сейчас Лила скажет какую-нибудь гадость – про Сэма, про меня, про отношения вообще, но она лишь кивает.

– Ага.

– Вчера... – начинаю я.

Но Лила, замотав головой, уходит на другой конец комнаты.

– А футболку с надписью «Крутые заучки» не видел?

Теперь уже я мотаю головой. Лила подбирает с пола грязное белье.

– Так вы теперь дружите? С Даникой?

– Она мне помогает.

– Помогает с чем? – нахмурившись, спрашиваю я.

– С учебой. Я немного отстаю. Хотя вряд ли задержусь здесь надолго, – Лила поднимает с пола мятую рубашку и смотрит на меня скорее с грустью, чем со злостью.

– Что? Почему? – я делаю шаг к ней.

Да, Даника как-то говорила, что Лиле нужно наверстывать. Она же с четырнадцати лет не училась, тут волей-неволей отстанешь. Но я думал, она справится. Думал, Лила справится с чем угодно.

– Я перешла сюда только из-за тебя. У меня не особенно ладится с учебой, – она снимает со стенки над кроватью Сэма открытку, для этого ей приходится вскарабкаться на матрас, и тут уж во мне просыпаются самые что ни на есть непри-

стойные мысли. – Ну вот и все.

Она идет к двери.

– Лила, я мало знаю людей умнее тебя...

– Тебя она, кстати, тоже видеть не желает. Понятия не имею, чем ты насолил Данике, но, по-моему, она злится на тебя даже больше, чем на Сэма.

– На меня? – я перехожу на шепот, чтобы не услышали посторонние: – Я ей ничего не сделал. Это же ты ей сказала, что я тебя превратил в кошку.

– Что? – Лила даже рот приоткрыла от изумления. – Да ты спятил. Ничего я такого не говорила!

– Ладно. А я думал, что сказала. Даника задавала много странных вопросов. Прости. Я тебя ни в чем не обвиняю. Это же твоя тайна, так что рассказывай, если хочешь. Я не имею права...

– Хорошо бы, она сама не догадалась, – качает головой Лила. – Эта ее сумасшедшая мамочка, которая помешана на правах мастеров – да Даника тут же побежала бы к властям. И тебя мигом бы забрили в одну из этих федеральных программ для промывки мозгов.

– Ну да, – я виновато улыбаюсь. – Хорошо, что ты ей ничего не сказала.

– Я-то умею хранить тайны, – закатывает глаза Лила.

Она уходит, а я пристыженно вспоминаю, сколько же тайн она хранит. С того самого момента, как Лила снова стала человеком, она сто раз могла пустить мою жизнь под откос.

Стоило хоть однажды проговориться Захарову, и он бы меня прикончил. А потом мамочка над ней поработала – появился еще более весомый повод. Вообще чудо, что Лиля меня до сих пор не сдала. И я даже не представляю почему, ведь мамино проклятье уже не действует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.